

ИНГВИ АКИСОН

АРХИВАРИУС

Люди связали свое бессмертие с техникой.
Но забыли, что техника несовершенна.

ИНГВИ АКИСОН

Архивариус

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Акисон И.

Архивариус / И. Акисон — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112189-1

XXII В начале века благодаря достижениям науки люди обрели бессмертие. Став вечно молодыми, они задумались над тем, как вернуть к жизни всех своих предков – за всё время существования человечества. И был найден способ физического воскрешения... XXIX Ингви работает в полиции, у которой уже многие десятилетия не было дел серьезнее, чем смерть от несчастного случая. Но когда обнаруживается тело со следами насильственной смерти, становится понятно: не для всех синтезированный рай является пределом мечтаний. Чьи-то личные счеты? Месть? Заговор?.. Ингви принимает решение самостоятельно расследовать дело, когда появляется призрачная надежда открыть тайну далекого прошлого: ведь за все время, проведенное на планете Ремотус, он так и не смог узнать, кто убил его в прошлой жизни. Но готов ли он узнать правду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112189-1

© Акисон И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ингви Акисон

Архивариус

© Мирецкий Игорь, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

15 сентября 1017 года в Иерусалиме и на всей Святой земле впервые после долгих месяцев изнурительного летнего зноя выдался облачный день.

Паломник, сидящий на берегу реки Иордан, уже не раз поблагодарил Небеса за эти густые облака, неторопливо проплывающие над его головой. Светлые волосы и голубые глаза сразу выдавали в нем человека, проделавшего сюда путь с далекого Севера. И ничто – ни болезни, ни скудная и непривычная еда, ни все прочие испытания, неизбежно выпадающие на долю путешественников, – ничто не доставляло ему такого мучения последние недели, как здешнее безжалостное солнце.

Вчера, в праздник Воздвижения Креста Господня, он поклонился в Иерусалиме Святому Гробу, а ближе к вечеру, когда жара начала понемногу спадать, вместе с девятью другими паломниками отправился совершить омовение в том месте Иордана, где, по преданию, был крещен Христос. Заночевав на полпути под открытым небом, на рассвете богомольцы продолжили свое путешествие и уже к полудню омылись в священных водах.

Сейчас же, когда все ушли осматривать пещеры Иоанна Крестителя и Илии Пророка, расположенные неподалеку, он остался дожидаться их тут... Виной тому было увечье, полученное им около года назад во время битвы на другом конце света. Правая нога его была ампутирована чуть выше колена. Путешествовал бывший воин верхом (осел был куплен в первый же день, как корабль причалил к Святой земле, и сейчас, привязанный неподалеку, сонно жевал траву), а лазать на костылях по пещерам было бы уже полным безрассудством.

На короткий миг выглянуло солнце и вновь скрылось за облаками. Паломник заметил, что в воде прямо перед ним что-то сверкнуло. Рядом росло ветвистое дерево, склонившееся сразу несколькими стволами к реке, и метрах в двух от берега что-то зацепилось между его ветвей и едва виднелось на поверхности.

Вооружившись одним из своих деревянных костылей – при всей его прочности не слишком массивным и не очень тяжелым, – он вытянул что есть сил руку и попробовал подцепить концом костыля неизвестный предмет. Но тот тут же ушел на дно. Тогда, и не подумав так легко сдаваться, он разделся, зашел в мутную воду Иордана и, держась за распростершийся почти параллельно поверхности реки ствол дерева, доковылял до нужного места. Вода там доставала всего лишь до пояса, поэтому обшарить дно не составило большого труда.

Паломник извлек на поверхность увесистое распятие; один из концов креста, возле правой ладони Спасителя, был отколот.

И только он принялся отчищать находку от ила, чтобы посмотреть, не драгоценный ли это, случаем, металл (впрочем, какой безумец швырнул бы в воду столько серебра или золота?), как внезапная невыносимая боль пронзила всё его существо... Из шеи паломника торчала стрела.

Рука разжалась сама собой, и распятие снова исчезло в воде. Перед глазами всё поплыло, однако он заставил себя развернуться всем телом и увидел, как кто-то убегает прочь. Убегавший – видно было только спину – держал в руке лук.

Истекая кровью, паломник каким-то чудом сумел достичь берега.

Он умер, едва выбравшись из воды.

Глава 1

Омерзительно плакающий звук будит меня.

– Выключись, – хриплю я спросонья.

Не реагирует.

Ах да... Смутно что-то припоминая, я тяну руку к будильнику, но неловко задеваю его в темноте и опрокидываю на пол. Назойливый сигнал продолжает досажать мне оттуда.

– Да чтоб тебя!

Еще толком не проснувшись, я еле-еле дотягиваюсь кончиками пальцев до откатившегося от кровати электронного будильника и, нащупав нужную кнопку, наконец выключаю его.

Впрочем, отреагируй он на мою голосовую команду – я бы сейчас, как обычно, смотрел сны дальше, повернувшись на другой бок. А в данный момент я уже сижу на краю кровати и засовываю ноги в тапки. Просто невероятно! Идея с доисторическим будильником, отключающимся вручную, была поистине гениальной.

Кромешную тьму нарушает лишь зеленоватое свечение цифр 07:03, исходящее от притихшей у меня в руках допотопной электроники.

– Убрать затемнение, – команду я.

В комнату через окно, на какой-то миг ослепляя меня, врывается яркое солнце.

Всё верно. Из прогнозов еще полгода назад следовало, что в Москве сегодня, 10 июля, будет безоблачно и днем до плюс тридцати. Здешние предсказатели погоды не ошибаются.

– Разрешить прием гостя? – доносится до моих ушей немного неестественный голос, едва я успеваю встать и поставить раритетный будильник на место.

Говорил серебристый шкаф, возвышающийся до самого потолка в противоположном углу комнаты. Над его дверцей черными выпуклыми буквами сделана надпись, которую можно хорошо различить даже отсюда: «АТОМНЫЙ СИНТЕЗАТОР». Ниже указана серия и номер модели.

Я снова бросаю взгляд на часы. Что еще за гости в такое время?

Накинув халат и наскоро завязав на нем пояс, я с опаской подхожу к синтезатору. Но после беглого взгляда на дисплей, несколько озадаченный, киваю:

– Разрешаю.

Через мгновение из дверцы выходит она.

– С днем рождения, милый! – Мирослава обнимает меня и целует в губы.

Ее густо подведенные глаза, хлопая огромными ресницами, смотрят на меня в упор. Пухленькие губки с перламутровой помадой расплываются в улыбке. Какая-то прядь, выбившаяся из копны каштановых начесанных волос, щекочет мне нос.

– Спасибо, дорогая, – отвечаю я. – Но зачем же было тратить деньги на андроида? Ведь ты могла поздравить меня сегодня вечером, когда вернешься из Рима.

Иллюзия, что передо мной стоит Мирослава, просто потрясающая.

Умом я, конечно же, понимаю, что Мирослава на самом деле сидит сейчас – или, может быть, даже лежит? – в тысячах километров от Москвы, надев на голову нейрошлем, в то время как меня обнимает неотличимый от нее внешне робот-андроид, синтезированный из атомов в этом самом шкафу буквально минуту назад и теперь дистанционно передающий в ее шлем (и далее прямо ей в мозг) всё, что он здесь видит, слышит, осязает, обоняет и воспринимает на вкус, – а в ответ получающий от ее мозга сигналы к действию.

Но хоть умом я и понимаю всё это, мои чувства как будто отказываются верить...

– Нельзя так заикливаться на деньгах, Ингви, – обращается она ко мне по имени. Вместо привычного «милый» или чего-нибудь в этом роде. (Ясно, обиделась.) – Просто я вдруг

подумала, что тебе будет тоскливо проснуться в свой день рождения одному. И потом, у тебя сегодня юбилей.

Ну, двадцать пять лет я бы юбилеем не назвал...

А кстати, сколько из них я уже провел здесь? Среди всего этого технократического безумия.

Уже почти два года, как я являюсь полноправным гражданином Федерации Ремотус, а такого статуса оказавшиеся здесь удостаиваются ровно после года испытательного срока.

Неужели с того дня, как Судьба забросила меня в Москву, пролетели без малого три года?

– Я люблю тебя, – примирительно говорю я, покрывая поцелуями шею Мирославы, временно расстегивая пуговицы на ее блузке.

Мирослава одним ловким движением развязывает пояс на моем халате и сбрасывает его с плеч...

Когда я снова смотрю на часы, они показывают уже 07:30.

– Мне пора, любимый. – Мирослава встает с постели и направляется к шкафу-синтезатору, собирая свою разбросанную по полу одежду. – В Институте третьи сутки подряд работаем как проклятые! Я даже не успела выбрать тебе подарок, прости. – Открыв дверцу, она заходит внутрь. Одной рукой сжимает скомканную одежду, а другой посылает мне воздушный поцелуй. – До вечера! Если не успею к десяти, начинайте праздновать без меня, ладно?

Дверца серебристого шкафа бесшумно закрывается. Еще пара мгновений – и андроид Мирославы, судя по загоревшейся снаружи лампочке, благополучно разложен обратно на атомы. Вместе со всеми его шмотками.

Кстати, а они-то на кой были нужны?!

Когда я захожу в ванную, мои губы сами собой принимают напев какой-то грустную, но необычайно красивую мелодию. Где же я ее слышал? Ее исполнял, кажется, женский голос. Такой высокий и чуть резковатый.

Покончив с душем – но так и не вспомнив ни слов, ни названия песни, – еще из прихожей я громко кричу:

– Покажи каталог завтрака!

Подойдя к атомному синтезатору, которому была адресована команда, поднимаю и накидываю на плечи провалявшийся всё это время на полу халат.

– Нет, не надо, – передумываю я. – Убери каталог. Любая яичница и любой кофе.

«СТОИМОСТЬ: 4 РЕМО».

Сообщение загорается под описанием заказа, который синтезатор сделал за меня сам методом случайной выборки из сотен – или даже тысяч? – вариантов яичниц и кофе, содержащихся в его каталоге. Начинает настойчиво мигать оранжевый диск справа, и дисплей, как обычно, поясняет: «ОПЛАТИТЬ».

Я прикасаюсь к диску правой рукой.

«ПОДТВЕРДИТЬ ОПЛАТУ».

После повторного прикосновения дверца синтезатора любезно открывается – и я забираю оттуда яичницу-глазунью по-румынски и латте макиато. По крайней мере так следует из описания на дисплее. А не верить ему у меня вообще-то нет никаких оснований.

«Не закимливайся на деньгах, Ингви». Кажется, так она сказала...

А кто закимливается?! Если бы я действительно закимливался, то неужели только что выкинул бы половину ремо – или что-то около того – на этот поднос, эту тарелку, на этот бокал, нож, вилку и даже на ложку с соломинкой для кофе?

Черта с два!

Хорошенько покопавшись в настройках, я бы непременно заставил синтезатор засунуть еду и напиток во что-нибудь, что сам бы предварительно туда поставил!

Согласен – половина ремо не стоит такой возни...

Но потратиться на андроид – совсем другое дело. Это же шестьдесят ремо! Немыслимый удар по нашему с Мирославой семейному бюджету! Даже на службе, согласно инструкциям, я могу без специального разрешения воспользоваться только двумя андроидами в течение одной смены. При реальной на то необходимости. Например, если происходит ограбление и мое моментальное появление там через уличный синтезатор, расположенный где-нибудь неподалеку, упростит дальнейшую работу и нам, и суду. Но для использования третьего андроида за день, что бы там ни происходило, – хоть групповое изнасилование, – инструкции требуют связаться с шефом, обосновать необходимость и получить его формальную санкцию.

Государство, в отличие от Мирославы, умеет заботиться о своем бюджете.

– Первый новостной канал, – произношу я, ставя поднос с завтраком на круглый столик возле окна.

Точнее, возле абсолютно прозрачной внешней стены. Кажется, что стоит сделать шаг – и я полечу камнем в бездну с нашего сто сорокового этажа. К счастью, проектировщики не забыли предусмотреть в этом удивительном материале еще одно свойство. Те, кто глядит сейчас в мою сторону, завтракая в точно таком же небоскребе напротив, видят перед собой лишь отражение неба и солнца. Равно как и я могу различить повсюду на фоне неба лишь нечеткие контуры вознесшихся на километр над землей зеркал.

Одна из стен нашей комнаты превращается в экран. Сев лицом к нему, я беру в руки нож и вилку и принимаюсь за яичницу.

– Согласно последним опросам, – возбужденно рассказывает репортер, смотря на меня со стены, – за повторным запуском «Архивариуса» сегодня в прямом эфире собираются наблюдать почти две трети населения планеты! По словам специалистов, для стороннего наблюдателя всё будет выглядеть следующим образом: аппарат, приблизившись к границе нашей Галактики...

– Любой спортивный канал, – обрываю я.

Как же они задолбали. Весь последний год только и разговоров, что об этом повторном запуске «Архивариуса».

И кстати, как она успеет вернуться из Рима к десяти? Американцы назначили старт на полдень по своему времени – в Москве уже будет восемь вечера. А Мирославе придется проторчать в обсерватории Общеввропейского Института Физики, если память мне не изменяет, по меньшей мере час. «В этот исторический момент», как она выражается. Надеется, что ли, успеть на прямой авиарейс?

Разделавшись с румынской глазуньей и допив кофе под репортаж о 230-х летних Олимпийских играх – проходящих на этой неделе одновременно в двадцати городах планеты, – я закидываю грязную посуду в синтезатор, где ее немедленно постигает та же печальная участь, что и андроид Мирославы.

Из компактной платяной тумбы после нехитрого набора команд появляется моя одежда. Быстро облачившись в безупречно чистые и словно только что отутюженные джинсы и футболку, я завязываю шнурки на кроссовках.

Неужели и правда минуту назад всё это хранилось там внутри в спрессованном виде?

В прихожей, уже открыв дверь, я кое-что вспоминаю:

– Сложи постельное белье и стань диваном!

Отсюда мне не видно, но нет сомнений, что кровать услышала команду и, как обычно, бесшумно ее выполняет.

Взгляд на часы...

Боже мой! Шеф меня убьет. Я должен быть на работе уже через десять минут!

Заперев дверь молниеносным прикосновением правой руки, я бегу по коридору к лифту. Выбежав из подъезда, несусь сломя голову к остановке общественного транспорта.

А ведь если бы Мирослава не синтезировала себе каждое утро шмотки, выбирая в меню атомного синтезатора новинки из модных каталогов, мы бы уже давно обзавелись персональным автомобилем...

Подходит автобус – и я беднею еще на три ремо, прикладывая все ту же руку к оранжевому диску на турникете. Машина на магнитной подушке мягко трогается по команде искусственного интеллекта, пока я, запыхавшийся, еще бреду по салону в поисках свободного места.

Все пассажиры, будто сговорившись, держат правую руку на небольшом расстоянии от своего лица. На экранах – словно сотканных в воздухе пучком света, исходящим из центра ладоней, – все они, конечно же, смотрят сейчас новости, либо разглядывают обновления на страничках друзей в Сети.

Я плюхаюсь на свободное место.

Да, имплант – определенно одно из наиболее удобных здешних изобретений. Имплантированный в ладонь микрокомпьютер, давно заменивший собой и ключи, и кошельки, и паспорта, и телефоны...

Девушка, сидящая рядом со мной, всё никак не может налюбоваться исходящей из ее импланта фотографией ночной Москвы. Снимок сделан, судя по всему, этой ночью – с крутых скал, возвышающихся у южной границы города. На фотографии отлично виден весь Южный квартал. В зеркальных поверхностях небоскребов отражаются бесчисленные звезды и все три Луны...

Я пулей вылетаю из автобуса возле сквера, посреди которого, подобно навозному жуку на лужайке, расположилось невысокое круглое здание ярко-синего цвета. «ПОЛИЦИЯ. ЗАПАДНЫЙ КВАРТАЛ МОСКВЫ. ФЕДЕРАЦИЯ РЕМОТУС», – красуются золотистые буквы над его главным входом.

Нет, ну разве не чудаковатая это была идея? Дать здесь чуть ли не всему подряд земные названия: Москва, Рим, Европа, Америка... Даже естественные спутники Ремотуса они додумались назвать «Луна-1», «Луна-2» и «Луна-3»!

Дверь служебного входа, ощутив прикосновение руки с имплантом, принимается устанавливать мою личность и, удовлетворившись результатом, открывается.

9:00. Надо же. Я умудрился не опоздать.

– Доброе утро, Ингви! – Шеф крепко жмет мне руку. И едва я успеваю вставить «доброе утро», переходит к делу: – Поступил вызов о возможной смерти по неосторожности. Ты с Денисом съездишь проверить.

– Опять кто-то подавился косточкой от черешни?

Я говорю это, уже идя по залу дежурной части к платяной тумбе, которая стоит в небольшом закутке, отгороженном непрозрачной перегородкой.

– Не думаю, – звучит мне в спину бархатистый бас шефа. – Потерпевший находится у себя в квартире, лежит на кровати, накрывшись с головой одеялом, не двигается и не реагирует на попытки связаться с ним по импланту.

– Откуда такие подробности? – интересуюсь я из-за перегородки.

– К нам обратилась его сожительница. Она не может попасть в квартиру – но там установлены их приватные домашние видеокамеры, так что она всё видит.

Действительно, подавившись чем-нибудь, человек вряд ли ляжет на кровать и укроется одеялом. В том случае с черешневой косточкой, который имел место на прошлой неделе, мужчина был найден лежащим на полу в прихожей.

– Ясно. – Я стягиваю с себя футболку и джинсы и вешаю их в шкафчик, куда уже забросил расшнурованные кроссовки. – А почему сожительница не может попасть в квартиру?

– Сообщила, что несколько дней ее не было в Москве, только что вернулась, и за эти дни потерпевший поменял замок на входной двери на более новую модель. Он ее заранее преду-

прежде об этом. И они как раз договаривались встретиться сегодня утром – прежде, чем он уйдет на работу, – чтобы внести ее данные в новый замок.

Я появляюсь из-за перегородки в извлеченной из платяной тумбы полицейской форме такого же точно ядовитого цвета, что и здание полицейского участка.

– Это вон там, – добавляет шеф, направляя лазерную указку на один из мигающих огоньков на карте Москвы.

Экран на противоположной стене дежурной части, как всегда, показывает круг, разделенный двумя линиями, проведенными по диагонали крест-накрест, на четыре равные доли. Вся западная четверть – наш административный квартал – пестрит множеством красок, резко контрастируя с бледными тонами остальных трех четвертей. (Они лежат вне нашей юрисдикции и, соответственно, не должны отвлекать на себя много внимания).

В самом центре Западного квартала синим огоньком обозначен наш участок. Один-единственный на четверть многомиллионной Москвы.

Город-круг. Кажется, еще древние греки считали эту фигуру совершенной? Какая-то нечеловеческая тяга к правильным формам и линиям, свойственная здешним архитекторам, привела даже к тому, что каждый мегаполис планеты возвышается своими зеркальными небоскребами на идеально плоской поверхности. Какой бы горный ландшафт ни был вокруг. Помнится, Денис рассказывал, что площадки под будущие города выравнивались лазерами еще до того, как приступили к созданию биосферы Ремотуса.

– Авторизация успешно пройдена, – бодро сообщает устройство, заведующее оружием и полицейскими жетонами, как только я прикасаюсь к нему правой рукой. – Поместите вашу левую руку в центральное отверстие.

Послушно последовав указанию, я вскоре вынимаю ее обратно – и вся поверхность левой ладони уже представляет собой светящийся голубым светом полицейский жетон. Одновременно из бокового отверстия устройства появляется рукоятка парализующего пистолета.

Засунув его в предназначенный для оружия карман на брюках, спешу к парковке.

– С днем рождения, дружище! – Денис крепко жмет мне руку, оставляя на ней следы кетчупа с горчицей.

Облокотившись всем своим телом, весящим не меньше ста килограммов, на капот, напарник с аппетитом дожевывает гамбургер.

– Привет! Спасибо.

– Ну что, уже придумал, где будем отмечать?

– Мирослава хотела в каком-нибудь из городских парков... – Я подношу жетон к двери автомобиля. – Она эту идею еще полгода назад высказала. Как только прогноз погоды на сегодня был опубликован.

– А давай в том парке, что рядом с вашим домом? – Денис открывает дверцу с другой стороны. – Я там видел ресторан натуральной кухни. «Усталый суслик» называется. Их сеть варит отличное пиво и продает его во всех своих точках. Образцы они даже запретили использовать для каталогов атомных синтезаторов, представляешь?

Мы оба усаживаемся на передних креслах, и Денис усмехается:

– Впрочем, и правильно сделали. Ты мое мнение насчет всей этой синтезированной дряни знаешь.

Ничто не имеет в жизни такого значения для Дениса, как еда. На его вкус всегда можно положиться.

– Да, давай в том ресторане, – соглашаюсь я.

Правда, если мне прямо сейчас подадут яичницу-глазунью по-румынски и латте макиато, приготовленные традиционным способом, то что-то сильно сомневаюсь, что мой язык почувствует хотя бы малейшее отличие от той «синтезированной дряни», которую я ел на завтрак.

Едва услышав команду «ехать», автомобиль на магнитной подушке – управляемый, как и весь здешний транспорт, искусственным интеллектом – немедленно набирает свою обычную головокружительную скорость. Адрес потерпевшего был перенаправлен в его навигационный мозг из дежурной части, еще когда шеф посветил на карту указкой.

Денис уставился на экран, возникший в воздухе из его жетона, и просматривает информацию, которую я уже и так слышал от шефа.

– Странно всё это, – говорю я, когда экран скрывается обратно в жетоне.

– Что странно?

– Что он лежит на кровати под одеялом. Не мог же он просто взять и умереть во сне?

Вопрос, конечно же, риторический. Когда люди стареют и болеют, смерть во сне не является чем-то необыкновенным – это понятно...

Но что может случиться со спящим человеком, который здоров на все сто процентов?

Ведь даже если он уже не одну сотню раз встретил здесь свой день рождения, выглядит-то он всё равно как восемнадцатилетний. И тело его физиологически как у восемнадцатилетнего.

Здесь у всех так...

– Может, отравился? – высказывает Денис, очевидно, первую пришедшую ему в голову мысль. – Съел или выпил что-нибудь не то и пошел в постель. Ну, смерть и наступила в момент сна.

– Ага, – иронизирую я. – Вместо пива заказал в синтезаторе средство для очистки окон, выпил и не заметил.

– А у тебя есть более правдоподобное предположение?

– Начнем с того, – говорю я, – что еще не известно, является ли это смертью по неосторожности... Впрочем, зачем гадать? Скоро сами всё увидим.

Денис смотрит на меня как на ненормального.

Ну если учесть, что последнее умышленное убийство в Москве произошло уже черт знает сколько лет назад...

Да, согласен – мое предположение выглядит даже поэкзотичней, чем его.

– Войти в систему мониторинга, – обращается Денис к бортовому компьютеру, после чего называет адрес потерпевшего. – Показать окно крупным планом.

На дисплее появляется ничем не примечательный фрагмент зеркальной стены небоскреба, и напарник торжествуя обращается уже ко мне:

– Видишь? Окно цело. А дверь, как сообщила сожительница, заперта. Как мог убийца запереть ее, уходя? Для этого покойник должен был прикоснулся своей рукой с имплантом к замку снаружи.

Я пожимаю плечами:

– Может, никто и не открывал убийце дверь?

– Как это?

– Ну, жертва могла впустить в квартиру андроид, из своего атомного синтезатора.

– Кого-то из своих знакомых? Ну у тебя и фантазия, Ингви! Может, еще скажешь, что эта самая сожительница его и замочила?

– Но дверь же он, по-твоему, сам открыл кому-то посреди ночи? – возражаю я. – Почему бы и андроида не впустить?

Денис задумывается.

– А может, и не андроид... – продолжаю я. – Может, это вообще какой-нибудь псих, который после убийства так и остался в квартире? Сидит сейчас где-нибудь в ванной.

– Готов поспорить, что и ванную она прекрасно видит. По-твоему, зачем люди камеры у себя в квартире устанавливают?

– Не знаю... – Вопрос застал меня врасплох. – У нас с Мирославой их нет.

– Счастливый ты человек. А вот моя бывшая была такой ревнивой стервой... Чуть ли не силой заставила меня пойти на «добровольную активацию» маячка импланта, представляешь? Ну, чтобы всегда видеть, где я нахожусь. А поскольку оставалась возможность, что я приведу кого-нибудь прямо к нам домой, когда ее самой нету, – напичкала всю квартиру этими чертовыми камерами!

Мы проносимся мимо одного из городских парков.

На траве уже расположились любители утреннего загара. Десятки полуобнаженных тел, мужских и женских, демонстрируют свои совершенные формы, являющиеся результатом труда специалистов по эстетической генетике.

– Причем ведь обычно, – захлебывается Денис от возмущения, – все устанавливают такие камеры без записи. Не знаешь же, когда глянет и проверит, правильно? А эта моя бывшая, представь себе, включала опцию записи и не ленилась потом всё-всё-всё прокручивать!

Парадоксально, но Денис со своей тучной и не вполне правильной фигурой пользуется неизменной популярностью у женщин. Идеальные тела, надо полагать, за много веков уже настолько здесь всем приелись, что обычное, не откорректированное генетической наукой тело производит на женщин такой неожиданный эффект. Неудивительно, что самого Дениса его фигура несколько не беспокоит.

– Этой сожительницы несколько дней не было в Москве, так? – не унимается Денис. – Вот она камер там и понатыкала. Можешь быть уверен. Я таких, как она, насквозь вижу.

Две или три узкие полоски света пробегают по газону, деревьям, озеру и дорожкам парка. Основная его часть находится в тени, отбрасываемой плотными рядами небоскребов, которые из-за их зеркальных стен практически невозможно различить на фоне неба. Загорающие подыскивали себе место в промежутках между тенями. Но через пару часов, когда солнце будет в зените, уже весь парк окажется залитым его ослепительным светом.

Словно наяву я вдруг вижу перед собой залитый солнцем луг, на котором лениво щиплют траву наши овцы. Вижу родительский хутор и водяную мельницу – внушительное свидетельство технического прогресса... ведь еще дед моего деда вращал жернова вручную. Я отчетливо ощущаю запах только что скошенной травы и слышу, как откуда-то доносится пастушеская свирель...

Вспомнил!

Вспомнил, что я непроизвольно насвистывал, принимая сегодня душ! Пару раз на соседском хуторе я слышал, как эту мелодию исполняли на скрипке... вернее, не на скрипке, а как же эта более примитивная штукавина называлась? Как-то на g...

– Приехали. – Голос напарника возвращает меня к реальности.

Автомобиль уже выбрал себе место на парковке. От ближайшего подъезда к нам бежит высокая девушка с обесцвеченными волосами, смотрящимися из-за химической завивки точно-точно словно стог сена.

– Добрый день. – Я поднимаю левую руку со светящимся жетоном, как того требует инструкция, и Денис делает то же самое. – Скажите, э-э-э... Красимира, – подсматриваю я в жетоне ее имя, – в поле зрения ваших домашних видеокамер попадает вся квартира?

– Да, конечно.

– И никого постороннего там нет?

– Постороннего? – удивляется она. – В квартире только Радислав, мой гражданский муж. И он почему-то не... А почему вы спрашиваете?

– Да так. На всякий случай.

Денис бросает на меня взгляд, полный сарказма.

Проследовав за Красимирой в подъезд, мы поднимаемся в лифте и, быстро пройдя по коридору, оказываемся у нужной двери. Ощувив прикосновение жетона с только что посту-

пившим на него ордером, дверная панель послушно отъезжает в сторону, целиком скрываясь в стене.

Я захожу первым.

Типовая однокомнатная квартира. Такая же точно, как у нас с Мирославой.

– Радислав! – громко говорю я, сам не знаю зачем, еще из прихожей.

Тишина.

Как и следовало ожидать.

– Не прикасайтесь ни к чему, пожалуйста! – Я успеваю помешать Красимире поднять скомканную черную ткань (ее чулок?), валяющуюся на полу у самой двери. – И подождите здесь в прихожей вместе с моим напарником. Да, и еще... Я попросил бы вас не смотреть сейчас, что показывают домашние камеры.

Убедившись, что экран скрылся в ее руке, я захожу в комнату и направляюсь к кровати. Взяв одеяло за край возле изголовья, осторожно отгибаю его.

Так я и думал...

Лежащее на спине бездыханное мужское тело уставилось в потолок застывшим взглядом. Рот широко открыт, и всё лицо искажено гримасой, которая красноречивее любых слов говорит о том, насколько небезболезненной была смерть. Однако каких-либо видимых признаков насилия на теле нет. За исключением, пожалуй, одного...

Правая кисть руки отсутствует.

Место ее отчленения покрыто густым слоем хорошо свернувшейся крови.

Глава 2

– Всем немедленно выйти в коридор, – команду я, вернувшись в прихожую и постаравшись придать своему голосу максимально официальные нотки.

Красимира и Денис, явно не ожидая такого поворота, беспрекословно подчиняются.

Прикрыв дверь снаружи, я всё тем же тоном спрашиваю сожительницу покойного:

– Когда вы последний раз говорили с Радиславом?

– Около десяти вечера. После этого я легла спать, а когда проснулась и посмотрела... Вы наконец скажете, что с ним?

– У домашних видеокамер включена запись? – отвечаю я вопросом на вопрос, хотя это обычно не в моих правилах.

– Я... я не знаю. Радислав установил их буквально перед моим отъездом. Это была его идея.

Кажется, Денис не может поверить своим ушам.

– Вызывай криминалиста, знаток женщин, – говорю я ему, не в силах больше сохранять начальственный тон. – И проследи, чтобы никто не заходил в квартиру до его прибытия!

Денис кивает, поняв все без лишних вопросов.

Уже у лифта я кричу ему:

– Еще раздобудь судебную санкцию на активацию маячка... имплант похищен. И заодно – санкцию на домашние камеры.

Вдруг они записывают? Впрочем, если и не записывают, большой роли это не сыграет. Мы с Денисом оба прекрасно понимаем, что я установлю личность убийцы и увижу его физиономию на дисплее нашего бортового компьютера уже через считанные минуты.

И как только до некоторых не доходит, что систему мониторинга не обмануть? Какие только трюки люди не выделявают! Интересно даже, что придумал этот тип. Последний раз то был фокус с переодеванием в «слепой зоне». Кажется, в общественном туалете. Да, тот фанатик именно так заявил в своем чистосердечном признании, пока я отвозил его в участок...

Помнится, на стене жилого небоскреба, выходящей на Центральную городскую площадь, на высоте более ста метров – по веревке спустившись из окна в спортивной куртке, капюшон которой скрывал почти всё лицо, – он выполнил баллончиком ту кривую, но поистине внушительного размера надпись: «АРХИВАРИУС – ЧАДО САТАНЫ!» Затем, поднявшись по веревке обратно и покинув здание через подъезд, напрямик направился в расположенный поблизости общественный туалет.

Он, конечно же, знал, что территории такого рода в соответствии с «Актом о частной жизни» не оборудованы средствами наблюдения.

Всех воскрешенных информируют об этом в первый же день – тогда же, когда предупреждают, что абсолютно каждый метр публичного пространства городов планеты находится под зорким и неусыпным наблюдением компьютерной системы.

А воскрешен он был на Ремотусе всего за неделю до этого инцидента...

И по собственным его словам, проторчал он там в одной из кабинок около десяти минут, умудрившись за это время каким-то образом спустить в унитаз куртку, спортивные брюки, кроссовки и даже прихваченную с собой с места преступления трехметровую веревку. Выйдя из уборной в одних лишь шортах, вандал преспокойно направился босиком к себе домой... где я его и задержал в течение часа.

Ну как можно быть настолько тупым, чтобы не догадаться, что программа автоматического поиска сверяет количество всех зашедших и вышедших из таких «слепых зон» и сопоставляет их параметры? Методом исключения компьютер за какую-то долю секунды установил, что именно данный объект, появившийся в пляжном виде на выходе из здания общественного

туалета, является тем, кто десятью минутами ранее заходил туда в спортивном костюме. С таким же успехом можно было вычислить его по «слепой зоне», где он надевал его.

Готов поспорить на миллион ремо, что сегодняшний убийца, совершивший преступление в частной квартире – то есть намеренно выбравший «слепую зону»! – тоже из тех, кого Судьба совсем недавно забросила сюда на Ремотус. Ибо прожив здесь хотя бы месяц, человек на такую тупость просто не способен.

– Войти в систему мониторинга, – говорю я, устраиваясь поудобней на сиденье автомобиля. Сообщив бортовому компьютеру адрес Радислава, приказываю показать в ускоренном режиме входную дверь, начиная с десяти ноль ноль минувшего вечера.

На дисплее появляется уже хорошо знакомая мне дверная панель. Цифры в левом верхнем углу лихорадочно сменяют друг друга. К 00:00 перед дверью по-прежнему ничего не происходит. 00:30... 00:45... Я зеваю и потягиваюсь. 00:59... Внезапно запись перескакивает целый час и продолжается как ни в чем не бывало: 02:00... 02:15...

Что это было?!

– Стоп, – обрываю я. – Повторить с часа ноль-ноль.

Отсчет вновь начинается с 02:00.

Какого черта? Такого еще ни разу не случалось.

Дурное предчувствие говорит мне, что самое интересное наверняка произошло в загадочно исчезнувший час. Однако я всё же решаю посмотреть запись дальше. И только зря трачу свое время. Перед дверью не происходит решительно ничего – до тех пор, пока без четверти девять там не появляется Красимира, безуспешно пытающаяся справиться с замком. А затем уже мы троим.

– Филипп, доброе утро! – здороваюсь я с нашим компьютерным гением.

С экрана, возникшего из моего жетона, на меня смотрит худошавое лицо с орлиным носом. Значительную часть лица скрывают густая борода и длинные волосы. Они частенько бывают у него не особо расчесанными, но таким взъерошенным, как сейчас, я вижу его, пожалуй, впервые.

– Привет, Ингви, – рассеянно отвечает Филипп, покусывая губы. Такой привычки я за ним раньше тоже не замечал.

Похоже, про поздравления по случаю дня рождения он забыл.

– Извини, что отвлекаю, – говорю я. – У меня тут бортовой компьютер глючит. Когда подключаюсь к мониторингу и хочу...

– Если бы твой компьютер! – не дослушивает он.

– В смысле?

Филипп нервно усмехается, после чего производит глубокий вдох, делает выдох и медленно, тщательно подбирая слова, произносит:

– Данные о том, что этой ночью с часа до двух происходило во всём Западном квартале Москвы, стерты.

– Стерты? Что значит «стерты»?! Кем стерты? Как это случилось?

– Пока сам не знаю, – выдавливает из себя Филипп. – Но похоже, что их не восстановить. Так что... если вдруг в это время в квартале произошло что-нибудь серьезное, у нас, похоже, будут проблемы.

«Вдруг». «Что-нибудь серьезное». Когда вообще на Ремотусе последний раз происходило что-либо подобное?

Я спешу поделиться с Филиппом тем, что только что видел собственными глазами.

– Да уж, – мрачно произносит он себе под нос, – это определенно посерьезней, чем испорченное стекло.

Заметив мой вопросительный взгляд, Филипп быстро поясняет:

– Сегодня утром некая горожанка обнаружила, что стекло дверцы ее личного автомобиля разъедено кислотой. Офицер, которому шеф поручил это пустяковое дело, стал просматривать ночные записи и увидел, что с часа до двух данные отсутствуют. Он, как и ты, решил, что вышла из строя его техника, и обратился ко мне. Ну, я вошел в систему со своего компьютера – результат оказался тем же. И вот, буквально пять минут назад я установил, что данные за этот промежуток отсутствуют для всего нашего квартала.

– А мониторинг вообще работал?

– Ночной дежурный говорит, что поглядывал, как обычно, и ничего странного с изображением не было. Ой, прости... – Филипп смотрит куда-то в сторону. – Шеф опять идет. Будет сейчас снова над душой стоять, будто это ускорит дело. Всё, давай, до связи!

Когда Филипп исчезает с экрана моего жетона, я замечаю сообщение от Дениса. Судебные санкции получены. Значит, шеф уже в курсе. Судебное решение автоматически перенаправляется главе полицейского участка. Понятно, почему он идет поторапливать Филиппа. Но он еще не знает, что убийство было совершено именно в этот промежуток времени...

Ладно, предоставлю шефу подробный отчет, как только соберу побольше информации. Покуда он висит над душой у Филиппа, а не у меня, можно хоть что-то успеть выяснить.

– Активировать маячок в похищенном импланте, – команду я, приложив к бортовому компьютеру жетон с только что полученными санкциями.

Несколько мгновений система проверяет правомочность запроса – перед тем, как включить встроенный в имплант Радислава маячок, что позволит немедленно определить его местонахождение. В какой бы точке планеты он сейчас ни находился.

Наконец на дисплее появляется карта, а на ней загорается отметка... Бог ты мой, это же буквально возле меня! Метрах в трех от автомобиля. Справа.

Я изумленно смотрю туда, но вижу только мусорный контейнер, стоящий у края парковки.

Натянув белые резиновые перчатки, лежавшие под сиденьем, и прихватив с собой пакет для вещественных доказательств, бегу к контейнеру.

Приходится изрядно покопаться во всевозможных объедках, прежде чем я нахожу то, что искал. Прохожие и так уже с интересом поглядывают на меня, поэтому я спешу засунуть зловещий вещдок в непрозрачный пакет.

Ну и в чем был смысл отрезать Радиславу руку с имплантом? Чтобы, уходя, запереть за собой дверь? Это лишь немного оттянуло обнаружение трупа. Может быть, чтобы воспользоваться его финансовыми сбережениями?

У другого края парковки я уже давно приметил атомный синтезатор – последнюю модель, но практически ничем не отличающуюся от той, что исправно служит нам с Мирославой дома. Подойдя к нему и воровато оглядевшись по сторонам, достаю вещдок из пакета.

Надеюсь, шеф про эту самодеятельность не узнает.

– Любые солнцезащитные очки, – называю я первую недорогую вещь, которая приходит мне в голову.

«СТОИМОСТЬ: 1,03 РЕМО», – сообщает синтезатор, после чего, как всегда, начинает мигать оранжевый диск справа от дисплея. «ОПЛАТИТЬ». Я прикладываю туда руку Радислава – в полной уверенности, что увижу сейчас сообщение про нехватку средств на счете. Однако вместо этого на дисплее появляется самая обычная завершающая команда: «ПОДТВЕРДИТЬ ОПЛАТУ».

– Отменить заказ, – разочарованно вздыхаю я, но не сдаюсь: – Любые солнцезащитные очки. Тысяча экземпляров!

И на этот раз средств на счете достаточно.

Отменив заказ, прячу руку обратно в пакет. Похоже, убийцу совершенно не интересовали деньги Радислава.

Может, имплант был нужен ему как идентификатор личности?

Как же жаль, что Парламентская комиссия по охране частной жизни запретила постоянную принудительную активацию маячков с записыванием маршрутов. Да мало ли, где эта рука могла побывать с часу до двух? Могла быть подброшена обратно к дому, чтобы мы подумали, будто это лишь способ запереть за собой дверь. А интересоваться убийцу могло что-то, к чему Радислав имел служебный доступ.

Где он вообще работал? Если в лавке антиквариата или, скажем, в музее, то, проникнув туда ночью, преступник легко мог завладеть каким-нибудь раритетом с Земли, стоящим многие и многие тысячи ремо...

Но только я собираюсь пойти обратно к автомобилю, чтобы пробить по полицейской базе род деятельности Радислава, как у синтезатора распаивается дверца. Из нее появляется девушка с азиатскими чертами лица, облаченная в снежно-белый комбинезон и держащая в руке чемоданчик.

Отлично, криминалист прибыл.

– Здравствуйте. Заберите это себе. – Я протягиваю ей пакет. – Находилось вот в этом мусорном контейнере.

Девушка низко кланяется.

А, ну да, у китайцев так принято приветствовать. Боясь показаться невежливым, я тоже на всякий случай кланяюсь. Криминалист делает шаг вперед и забирает у меня пакет, широко улыбаясь и кланяясь еще раз.

Как мне когда-то долго пытались растолковать, убийства на Ремотусе стали до того редким происшествием, что иметь собственных криминалистов не только в каждом городе, но даже в каждом Штате Федерации было признано нерациональным. Пускай даже это такой огромный Штат, как Россия. Кажется, уже последние лет сто департамент криминалистики функционирует у китайцев?

– Благодарю вас, – отвечает девушка, заглянув внутрь пакета. Судя по невозмутимому голосу, она в криминалистике не первый день. – Вы любезно сделали за меня часть работы.

Говоря на общем языке Ремотуса, она производит очень забавные интонации. Как будто бы поет. Скорее всего это влияние ее родного китайского. Мой общепланетарный, наверно, тоже кажется ей специфическим?

Черт, а всё-таки как же назывался тот музыкальный инструмент, напоминающий скрипку? Слово начиналось вроде бы на g... Или на d?..

Еще немного, и я совсем забуду здесь родную речь!

– Позвольте проводить вас к месту преступления, – предлагаю я.

Она кивает, и мы молча направляемся к подъезду. И только тут меня посещает мысль, что я так и не выяснил, чем же занимался убитый...

Ладно, спрошу у Красимиры, вряд ли она может этого не знать.

Стоя у входной двери в квартиру и не замечая нашего приближения, Красимира, трясая своей обесцвеченной шевелюрой, хохочет над какой-то шуткой, которую только что отпустил Денис. При этом она не сводит глаз со своего экрана, на котором, безусловно, прекрасно видно мертвое тело Радислава.

Н-да... В былые времена такое поведение сожительницы убитого не могло не вызвать у стражей порядка определенных подозрений. А психологов, как рассказывал Денис, непременно наводило на мысль о нервной защитной реакции организма. Но только не теперь. Теперь... когда уже давным-давно изобретен «Архивариус» и когда в каждом городе планеты функционирует Архив-Служба, круглосуточная и безотказная... разве не более странной выглядела бы Красимира, обливающаяся слезами?

Не тратя время на представление им китаянки, я открываю дверь и жестом приглашаю ее войти.

– Там работают приватные видеокамеры, – говорю я, прежде чем она, как это заведено у криминалистов, оставит нас троих дожидаться результатов снаружи. – Посмотрите, пожалуйста, записи с часа до двух ночи.

На экране, исходящем из руки Красимиры, нам всем троим хорошо видно, как китайка, прикрыв за собой дверь, ставит свой чемоданчик на пол в прихожей и раскрывает его. Оттуда один за другим выкатываются маленькие роботы, напоминающие пауков с приделанными к кончикам лапок колесиками, и проворно разбредаются по квартире, сканируя всё на своем пути.

Китайка тем временем методично обнаруживает одну за другой каждую из микроскопических видеокамер, спрятанных в стенах, и внимательно ее разглядывает. Но всякий раз отрицательно мотает головой, после чего отключает ее. Пока изображение на экране не исчезает совсем.

Увы, камеры не записывали. А Красимире действительно незачем подсматривать за криминалистическими процедурами.

– Где работал ваш гражданский муж? – спрашиваю я, осознав, что надежда на быстрое раскрытие преступления только что растаяла.

– Техником на энергостанции, – весело отвечает Красимира, всё еще улыбаясь после той шутки Дениса. – На нашей, Западного квартала.

Интересно, может ли кому-то прийти в голову украсть что-нибудь на энергостанции...

– А кем оказался убийца? – нарушает ход моих мыслей Денис. – И кстати, где он сейчас? Ну что ж. Самое время поделиться с коллегами проблемой.

– Подождите нас, пожалуйста, здесь, – говорю я Красимире и, повернувшись к Денису, таинственно поясню: – У меня есть кое-какая оперативная информация.

Мы оба заходим в прихожую и плотно закрываем за собой дверь.

Когда Денис и китайка узнают от меня о том, что произошло, в квартире на секунду другую воцаряется тишина, нарушаемая лишь еле слышным потрескиванием пауков-сканеров.

– Срань господня! – Денис хватается за голову.

– Не богохульствуй, – говорю я. – Ты же знаешь, что мне это неприятно.

– Не переживайте, – успокаивает нас китайка, – никакой катастрофы не произошло. Раз вы не можете вычислить убийцу по системе мониторинга, мы вычислим его по геному. – Она делает паузу, словно ожидая, что кто-то из нас сейчас спросит, что это такое. Но мы молчим с умным видом, и она продолжает: – На основе собранной здесь роботами биоинформации можно будет расшифровать его геном и произвести реконструкцию внешности. Правда, есть одна проблема...

– Какая проблема?! – одновременно вырывается у нас с Денисом.

– Боюсь, что на это уйдет около шести часов.

– Шесть часов? – не понимаю я. – Как такое может быть? Разве эта процедура не занимает от силы десять минут?

– Вы правы. Но перед самым моим отбытием сюда... когда я уже заказала себе андроиду и собиралась надевать нейрошлем... с нашими компьютерами произошел странный сбой. Я впервые с таким сталкиваюсь. Всё вскоре заработало снова, но оказались повреждены несколько программ – и среди них как раз та, которая производит реконструкцию по геному.

– Ну так связались бы с Резервным фондом, – резонно замечает Денис, – и получили бы копию программы.

– Вы забываете, что у них сейчас глубокая ночь. Да, когда через шесть часов начнется их рабочий день, мы непременно так и сделаем.

Сказав это, китайка нагибается и поднимает с пола ту скомканную черную ткань, которую я не позволил поднять Красимире.

– Впрочем, кое-что о внешности убийцы, – продолжает она, разворачивая ткань, – я вам могу рассказать уже сейчас.

Перед нами возникает черная шапочка-маска с прорезями для глаз.

У меня непроизвольно вырывается громкий смешок. Возможно ли, чтобы убийца обронил ее? Осуществить тщательно спланированное преступление, каким-то неведомым образом стерев записи в системе наблюдения целого квартала... и вдобавок лишив криминалистов программы по геномной реконструкции... но при этом обронить маску на месте преступления!

Похоже на откровенную издевку. Или, может быть, он подбросил ткань с чужим биоматериалом, рассчитывая повести нас по ложному следу?

– Роботы просканировали маску, – китайка словно прочитала мои мысли, – и мобильная лаборатория в этом чемоданчике уже сопоставила данные с другим биоматериалом, обнаруженным в квартире. Маска, безусловно, была на человеке, приходившем ночью к жертве. И взгляните... – Она держит пинцетом волос. – Это из его усов. Длинные пышные усы, их концы он закручивает кверху.

– А что насчет прически? – интересуется Денис.

– Бреется налысо. Согласно имеющимся данным, это тоже можно утверждать с полной уверенностью.

Китайка возвращается к работе. Сначала она сканирует нас с Денисом, чтобы биоматериал, которым мы успели наследить тут, не попал в перечень улики. Затем отправляется к телу, оставляя нас в прихожей одних.

– Чисто теоретически, – шепчет Денис мне на ухо, – можно взглянуть на эту усато-лысую физиономию еще до обеда.

– Как это?

– Ну, если кто-нибудь из жильцов подъезда случайно наткнулся на него в лифте или коридоре, то у такого свидетеля, – Денис подносит пухлый палец к своему виску и постукивает по нему, – можно прямо у нас в участке, в лаборатории, достать из мозга зрительный образ.

Как же я сразу не сообразил!

Всё верно. Разумеется, из-за стертых файлов система мониторинга не сможет указать на жильцов, которые с часа до двух зашли к себе домой и снова куда-то убежали... либо вышли из квартиры и успели вернуться... Однако она элементарно вычислит каждого, кто в этот промежуток пришел к себе домой и так и остался там до утра, либо вышел из квартиры, а вернулся уже после двух! Элементарно сопоставив их местонахождение до стертого периода и после! Останется только связаться с такими жильцами по их имплантам и поинтересоваться, не встречался ли им данный тип.

А что-либо иное спрашивать у жильцов, пожалуй, просто глупо. С такой звукоизоляцией, как в здешних домах, даже соседи Радислава не могли ничего слышать. Ни разговоров, ни криков. Ровным счетом ничего.

– Правда, что-то я сомневаюсь, – добавляет Денис, – что свидетель, если таковой обнаружится, согласится всё бросить и...

Он замолкает, так как в прихожей снова появляется китайка.

– Смерть наступила в час двадцать в результате остановки сердца, – сообщает она профессионально бесстрастным голосом. – Перед этим Радислава привязали к стулу и пытали. Электрическими разрядами, не оставляющими заметных следов. Кисть руки была отрезана, когда он еще был жив, при помощи бытового лазера. Кровотечение моментально остановлено обычным средством, которое применяется в медицине.

Все роботы-пауки закатываются обратно в чемоданчик, и китайка закрывает его.

– Я закончила. Можете вызывать Архив-Службу. Руку с имплантом я им оставила на кровати, возле тела.

– Денис, свяжись с ними, – командуя я, открывая дверь и пропуская даму вперед. – И пока они едут, порасспрашивай Красимиру, не пропало ли что-нибудь из квартиры. Пускай походит и посмотрит внимательно, окей? А я попробую найти свидетеля.

Мы с китайкой спускаемся на лифте и прощаемся возле парковки.

Когда она исчезает в атомном синтезаторе, я вновь усаживаюсь за бортовой компьютер. Спустя пару секунд он немало удивляет меня тем, что в загадочный промежуток ночи никто не покидал своих квартир. И всего двое пришли за это время домой – мужчина и женщина с разных этажей.

Два человека на целый подъезд небоскреба?!

Впрочем, я перестаю удивляться, как только вспоминаю, что сегодня утром говорили по спортивному каналу. В программу 230-х летних Олимпийских игр вчера впервые была включена «тлачтли» – игра в мяч, широко распространенная у майя, ацтеков и всяких прочих индейцев. Соревнования проходили в Мексике, по нашему времени это было уже ночью, и все, кому не надо было утром на работу, смотрели трансляцию либо у себя дома, либо где-то в барах.

Выходит, мне еще повезло, что я нашел даже двух потенциальных свидетелей...

Один из них – женщина – физически присутствует сейчас, согласно вычислениям системы, в своей квартире, расположенной двумя этажами выше, прямо над квартирой Радислава. Однако ее андроид катается на горных лыжах за Полярным кругом.

Мужчина в данный момент телесно находится вне своей квартиры. На городском стадионе он усердно готовится к рыцарскому турниру, который традиционно состоится завтра в рамках Олимпиады.

В ответ на мои многочисленные попытки связаться с ними по имплантам автоответчики каждый раз любезно предлагают оставить сообщение. Гребанный спорт! Сегодня из-за за него одни проблемы. Похоже, мне придется воспользоваться андроидами... Хорошо еще, что на два сеанса не требуется согласований с шефом.

Еще раз крепко выругавшись, я запускаю программу по синтезу моего андроида. Решив начать с лыжницы – ибо каковы шансы оторвать того рыцаря от подготовки к Олимпиаде и немедленно доставить к нам в участок? – я выбираю атомный синтезатор, находящийся ближе всего к горнолыжному спуску, на котором ее андроид катается в данный момент.

Нашупав под сиденьем нейрошлем, достаю его.

В этот момент из подъезда появляются Денис с Красимирой. Следом за ними, в комбинезонах алого цвета, выходят два парня-близнеца (или это девушки? по лицу и фигуре не понять), осторожно несущие за оба конца огромный черный мешок. «АРХИВ-СЛУЖБА», – гласят белые буквы на комбинезонах.

Надо же, как оперативно. Я даже не заметил, когда они приехали.

Приостановив программу и положив шлем на сиденье, выхожу из автомобиля.

– Я вам еще нужна? – кричит Красимира, обращаясь ко мне.

Денис за ее спиной качает головой, давая мне понять, что уже спросил ее обо всем.

– Нет, благодарю вас за показания, – кричу я в ответ. – Остальное мы узнаем у самого Радислава, как только он будет воскрешен.

Близнецы, не обращая на меня никакого внимания, кладут мешок в припаркованный неподалеку фургон такого же алого цвета, что и их форма, и уносятся прочь.

Помахав мне рукой, Красимира исчезает в подъезде.

– Ты уточнил на всякий случай, когда они завершат воскрешение Радислава? – интересуюсь я у подошедшего Дениса.

– Да всё как всегда: через четыре часа, – отвечает он и вздыхает: – Замечательно, конечно, что наука научилась воскрешать умерших... Вот только нам от этого в данном случае мало толку.

– Ты про маску? – не сразу улавливаю я его мысль.

– Про что ж еще? Если бы убийца не был в маске, мы бы извлекли у ожившего Радислава зрительный образ этого гада! Кстати, как прошел опрос соседей?

Я ввожу напарника в курс дела.

И как только мы снова оказываемся в машине, активирую приостановленную программу. Перед тем, как надеть на голову нейрошлем, я стараюсь полностью расслабиться и пару минут ни о чем не думать. Так настоятельно рекомендуется в инструкции.

– Gígjá! – вырывается у меня произвольно.

Ну почему всегда то, что никак не можешь вспомнить, сколько бы усилий для этого ни прикладывал, вспоминается совершенно неожиданно – когда об этом думаешь меньше всего?

Я чувствую на себе взгляд Дениса. Но он, похоже, решает не отвлекать меня расспросами. Краем глаза мне видно, как он, заинтригованный, подносит свою правую ладонь ко рту и повторяет услышанное слово. Через мгновение имплант выдает вслух краткую справку:

– Название струнного смычкового инструмента древних скандинавов.

Всё верно. Именно так мы его и называли.

Я надеваю шлем.

Глава 3

18 октября 1016 года тихое местечко Ассандун на юго-востоке Англии превратилось в арену кровопролитного сражения.

Юный конунг Кнуд, возглавлявший войско датских викингов, намеревался любой ценой вырвать у англичан победу. Еще в декабре 1013 года его отец, конунг Свен Вилобородый, – в очередной раз вторгшийся в Англию, но на этот раз, не ограничившись сбором дани, вынудивший позорно бежать оттуда короля Этельреда Нерешительного, – был признан английской знатью и духовенством единственным властителем всей их страны; однако он отошел в мир иной всего пять недель спустя. Восемнадцатилетний Кнуд, бесстрашно сражавшийся вместе с отцом во время его последней военной кампании, был тут же провозглашен войском викингов новым королем Англии. Сами же англичане имели на этот счет другое мнение. Не желая более мириться с господством иноземцев, они вновь призвали на трон укрывшегося в Нормандии Этельреда... Увидев, что для подавления восстания сил его не хватает, Кнуд поспешил вернуться в Данию, где при содействии старшего брата (после смерти Свена Вилобородого перенявшего, как и полагалось ему по старшинству, бразды правления в родной стране) собрал намного более многочисленное, чем мог похвастать их отец, войско и флот, – и в августе 1015 года снова ступил на английскую землю. И когда в апреле следующего года Этельред, всё это время едва-едва сдерживавший натиск Кнуда, умер от болезни, бремя противостояния неумным аппетитам викингов легло на плечи его сына-наследника Эдмунда...

В этот самый день и в этом самом месте, 18 октября 1016 года в Ассандуне, датский конунг рассчитывал взять у Эдмунда реванш за неожиданный разгром, который потерпел от него во время их последней битвы.

– Посмотри-ка туда! – слова Кнуда были обращены к Ингви, сыну Аки, внуку Палнатоки; его личному телохранителю. – Мне привиделось или сам Железнобокий вышел сражаться в первых рядах?

Ингви привстал в стременах и, прищурившись, посмотрел туда, куда указывала увешанная серебряными кольцами рука конунга.

И правда, Эдмунд – который за свое упорство и отвагу, проявленные за эти месяцы в боях с датчанами, уже успел получить в народе прозвище Железнобокий – был сейчас виден спешившимся и орудующим мечом в самом пекле сражения. И в словах Кнуда, как показалось Ингви, вовсе не звучало ноток сарказма. Похоже, он назвал его этим новым прозвищем, искренне восхищаясь таким соперником.

– Полагаю, что это он, – мрачно ответил Ингви, уже догадываясь, чего теперь ожидать от конунга.

– Тогда и мне не пристало более оставаться здесь, – промолвил Кнуд и тут же пришпорил своего коня.

Оба всадника покинули холм, с которого было удобно наблюдать за ходом сражения, и помчались к передовой. Вслед за ними, недоумевая и переглядываясь, поспешили остальные пятеро конных охранников Кнуда.

И когда они были уже на расстоянии брошенного камня от рядов противника, до их ушей донесся громкий возглас. Кто-то кричал с той стороны на английском, однако эти простые слова были бы понятны даже датчанину, прожившему здесь всего пару недель:

– Бегите, англ! Бегите, англ! Эдмунд мертв!

Прокричавшим это был военачальник Эадрик Стреона. Ополченцы из подчинявшейся ему Мерсии храбро сражались – вплоть до этой самой минуты – в рядах английского войска; но теперь были вынуждены выполнять приказ командира. Увидев, что Эадрик со своими людьми покидает поле боя, к бегству один за другим присоединились и остальные.

Ингви взглянул на небо и мысленно поблагодарил Господа. Исход битвы был предreshен. Войско викингов, издавая оглушительный победный рев, бросилось преследовать противника. И кто-то наверняка воздавал сейчас хвалу богу Одину... или, может быть, Тору... живо представляя себе при этом, как валькирии подбирают с поля боя души его павших товарищей и уносят их в Вальхаллу.

Впрочем, вряд ли язычников здесь было много. Крещение Дании было проведено еще Харальдом Синезубым – дедом Кнуда, – и за прошедшие полвека народ с необычайной легкостью перешел в новую веру. Викинги-язычники, на протяжении двух столетий наводившие ужас на весь христианский мир, продолжали привычные свои занятия, вознося хвалу Христу.

– Я хочу видеть тело Железнобокого, – нахмурился Кнуд.

Оставаясь верхом, он вместе с шестью окружавшими его всадниками стал медленно передвигаться среди окровавленных трупов. Ингви, как и подобает личному телохранителю, следовал по правую руку от конунга, один из охранников – слева, а еще по двое – спереди и сзади. У всех шестерых, помимо свисающего с пояса меча, было в руке наготове длинное копье. При помощи него двое движущихся спереди время от времени переворачивали какое-нибудь лежащее вниз лицом тело, чтобы убедиться, что это не Эдмунд.

Внезапно Ингви увидел, как справа от него, буквально из-под самых копыт коня, кто-то стремительно вскочил с земли и замахнулся мечом. И прежде чем он успел что-либо предпринять, меч английского солдата глубоко вошел ему в ногу ниже колена. Нападавший тут же отбросил оружие в сторону и, подпрыгнув, с невероятной энергией выхватил у Ингви копье. Обезав коня спереди, он оказался прямо напротив Кнуда и уже целился в него острием.

Все произошло так быстро, что никто из охранников не успел ровным счетом ничего предпринять. Осознав, что жизнь конунга висит на волоске, Ингви, преодолевая боль в ноге, прыгнул на отчаянного английского солдата, даже не успев вынуть из ножен меч, – и повалил его на землю. Тот сумел достать кинжал и пырнул им датчанина в живот; но это не ослабило стальной хватки вокруг его шеи. От следующего удара в живот телохранителя конунга спасло только то, что один из подоспевших наконец охранников проткнул англичанина копьем.

* * *

Тусклый свет проникал внутрь дома через крошечное оконце и падал на кровать, на которой под теплым пледом из овечьей шерсти, находясь в глубоком бреду, ворочался Ингви.

Ранение, полученное им неделю назад в живот, оказалось на удивление не опасным – кинжал вошел не глубоко и, по всей видимости, не задел никаких жизненно важных органов. Совсем иначе обстояли дела с полученным тогда же ранением в ногу. Уже на третий день конечность была поражена гангреной. Полевой хирург немедленно произвел ампутацию парой сантиметров выше колена, и вот уже четыре дня как новых признаков страшной болезни не появлялось. Однако сильный жар всё не унимался, пациент все последние дни практически не выходил из бреда, в связи с чем врачи не питали на его счет никаких иллюзий. Конунгу, пришедшему проведать своего верного телохранителя, оба врачевателя – разрывающиеся между многочисленными ранеными, доставшимися им после сражения в Ассандуне, и сами уже в результате бессонных ночей выглядящие как нежилыцы, – в один голос сказали, что сделано всё возможное и что жизнь больного зависит теперь исключительно от воли Всевышнего.

В те редкие минуты, когда бред отступал и сознание Ингви прояснялось, перед его мысленным взором проносились обрывки случайных воспоминаний...

Вот он – десятилетний мальчишка – стоит перед отцом, виновато опустив голову. Рядом, также не смея поднять глаза и дрожа от страха, стоит Кнуд со своим старшим братом, Харальдом. Когда они все втроем играли этим теплым весенним днем на берегу, соревнуясь, у кого быстрее получится вызвать в сухой деревяшке огонь при помощи осколка стекла, Кнуд каким-

то неведомым образом умудрился поджечь находящийся на берегу сарай с лодками. Стремительно распространяющееся по постройке пламя лишь благодаря близости к воде было быстро потушено прибежавшими взрослыми, и ни одна из лодок, к счастью, не успела пострадать.

– Я последний раз спрашиваю: кто из вас это сделал? – кричит взбешенный отец. – Если будете продолжать молчать, выпорю всех троих, клянусь Богом! Начну с тебя, – отец сурово смотрит на Ингви, – а потом ровно по столько же ударов достанется и вам двоим, хоть вы и сыновья конунга.

Ингви в ужасе взглянул на березовый прут в руке отца, но не проронил ни слова. Тогда, без дальнейших увещаний, отец приступил к делу.

После пятого удара – перенесенного Ингви с той же стойкостью, что и все предыдущие, – Кнуд расплакался и во всем сознался. Несколько мгновений отец растерянно смотрел то на покрасневшие ягодицы сына, то на прут, то на Кнуда. Затем – осознав наконец, что к чему, – приказал Ингви надеть штаны и, ласково потрепав сына по волосам, похвалил его за то, что не выдал друга и повел себя как настоящий мужчина. Уже сегодня, сказал отец, он в вознаграждение получит то, что безрезультатно выклянчивал весь последний год: первый в его жизни настоящий, не игрушечный, боевой меч превосходной работы рейнских мастеров.

А Кнуду запоздалое признание не помогло избежать заслуженной порки. (И только Харальд отделался легким испугом.) Сыновья конунга в соответствии с древней традицией были отданы на воспитание в чужую семью, и глава семейства не должен был делать никаких различий в отношении к собственным отпрыскам и к наследникам престола. Аки, сын Пална-токи, которому конунг Свен Вилобородый доверил воспитание Кнуда и Харальда, никогда не забывал об этом мудром правиле...

* * *

В один из тех моментов, когда сознание Ингви снова обрело ясность, он, едва двигая пересохшими губами, прошептал, уставившись в потолок:

– Господи! Если Ты исцелишь меня, чтобы я смог вернуться домой, за море, и обнять там родных моих...

Ингви умолк, испугавшись своих слов.

В комнате никого не было. Никто не мог его слышать, кроме Того, Кому это предназначалось. Но страх не выполнить то, что он вот-вот собирался пообещать, был именно перед Ним.

– ... то вот мой обет Тебе...

И снова сомнения заставили его замолчать.

Однако, поборов себя, он, тщательно обдумывая каждое слово, закончил:

– ... немедля после возвращения я совершу паломничество на Святую землю, в град Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Твоему Святому!

Чего-то еще не хватало.

Ингви хмурил лоб, по которому крупными каплями бежал пот, мучительно пытаюсь вспомнить. Ах да...

– Аминь.

* * *

Восемью месяцами позже, 5 июня 1017 года, небольшая торговая ладья шведского купца, идущая на веслах по реке Волхов, приближалась к Новгороду. Был на ней и праздный пассажир, которого купец после долгого торга о плате согласился взять на борт вместе с его конем. Положив возле себя деревянные костыли, пассажир сидел на палубе среди тюков с янтарем, кожей и воском, вытянув свою единственную ногу, сильно затекшую после многочасового

пребывания без движения, и с улыбкой наблюдал, как конь хвостом пытается расправиться с назойливой мухой.

– Эй, датчанин! Ты не мог бы привязать эту чертову тварь от меня подальше? – рявкнул ему один из гребцов, когда конь задел его хвостом то ли по спине, то ли по шее.

Ингви поспешил громко извиниться и проковылял к животному, чтобы привязать его подальше от несчастного норвежца (судя по его диалекту), измотанного – как и остальные гребцы – долгим ходом ладьи против течения и находящего в себе последние силы при виде, еще пока вдалеке, стен Новгорода...

Выздоровев вскоре после данного Богу обета, Ингви, преисполненный благоговейного трепета, при первой же встрече с Кнудом поведал ему о своих планах. Обнимая спасшего его друга и плача одновременно от радости за неожиданное его исцеление и от горечи предстоящей сразу же разлуки, Кнуд приказал дать Ингви с собой столько серебра и золота, сколько тот сможет унести, и попросил Ингви помолиться за него самого у Гроба Господня, если Божья воля будет на то, чтобы паломник-калека с другого конца света достиг своей цели.

Спустя две недели после своего чудесного исцеления Ингви уже был на родном хуторе на острове Фюн, расположенном в самом центре Дании.

– Как ты мог пообещать Всевышнему такое безумие? – не унимался отец. – Ты разве не видел, что тебе уже оттяпали ногу? Да ты вообще слышал, чтобы хоть кто-нибудь из датчан совершил паломничество на Святую землю?! Даже на двух ногах! Ты явно был в бреду. Поэтому объясняю тебе еще раз: ничего страшного, если ты не выполнишь этот свой так называемый обет.

Ингви был непреклонен. И отец мало-помалу понял, что спорить бесполезно. Удалось лишь убедить сына отложить начало паломничества до весны, так как вскоре холода скуют реки льдом и придется неизвестно как зимовать в пути, всё равно тратя время впустую.

Будучи наследным правителем острова Фюн, подчиняющимся напрямую конунгу (которого к тому же когда-то сам и воспитывал), отец Ингви обладал большими связями как в самой Дании, так и у ее ближайших соседей. И после долгих просьб сына он пообещал ему договориться с кем-нибудь из наемников, отправляющихся на службу в многотысячный корпус скандинавов-варягов при императоре Византии, что уже с началом весны на одном из их кораблей – идущих через Балтику, а затем по русским рекам и по Черному морю – Ингви сможет добраться до Константинополя, после чего, примкнув к греческим паломникам, отправится на Святую землю. Вернуться из Константинополя в Данию он смог бы вместе с наемниками, чей срок службы закончился.

Однако, когда весна была уже в полном разгаре, отец по-прежнему отвечал, что найти подходящих людей никак не получается, что надо еще немного подождать. И Ингви понял, что отец просто тянет время, не желая отпускать его. Тогда, уловив момент – не попрощавшись ни с отцом, ни с матерью, ни с братьями и сестрами, – он тайно покинул хутор верхом на коне и, сев на первую попавшуюся ладью, направляющуюся в Швецию, начал свое паломничество. В Бирке, куда причалил корабль, Судьба благоволила ему в тот же день договориться с купцом, везущим свой товар в Новгород...

И вот теперь, когда стены Новгорода уже были видны вдалеке, Ингви гадал, как скоро и за какую сумму ему удастся уломать какого-нибудь местного торговца, направляющегося в Константинополь, взять его с собой.

Двумя часами позже, попрощавшись со всеми на берегу и оставив их разгружать ладью, Ингви уже ехал верхом по улочкам города, нетерпеливо оглядываясь по сторонам в поисках местечка, где можно было бы наконец-то поесть горячего. Накрапывающий весь день дождь стал очень не кстати усиливаться. Кроме того, был уже вечер, и не помешало бы подумать о месте для ночлега.

Увидев корчму, он спешился и начал привязывать коня возле входа.

– Какой маленький лошадка! – прозвучал у него за спиной звонкий женский голос.

Девушка, сказавшая это на ломаном скандинавском, стояла и улыбалась, держа на плечах коромысло с ведрами. Скандинавские кони и правда были карликовыми. Наверно, она впервые видит их, подумал Ингви. Сняв с плеч тяжелое коромысло и пододвинув одно из ведер к «лошадке», девушка принялась гладить животное – в то время как конь, засунув морду в ведро с водой, пил и фыркал с явным удовольствием.

– Я немного говорить ваш язык... немного понимать наш посетитель, – пояснила девушка и, убежав к другому концу корчмы, стала проворно отпирать боковую дверь ключом из висящей у нее на поясе связки. – Лошадка лучше тут, – крикнула она, сделав знак рукой, и исчезла внутри.

Ингви сообразил, что девушка, должно быть, дочка владельца корчмы или же просто работает в ней по найму. А поскольку нередкими посетителями здесь являются заезжие шведы, то нет ничего удивительного в том, что она выучилась у них каким-то скандинавским словечкам и фразам. Выглядела она лет на пятнадцать, а в таком возрасте, рассуждал Ингви, чужеземный язык учится намного легче, чем... Ингви вдруг подумал о том, что ведь уже через месяц ему стукнет двадцать два.

– Спасибо, я сейчас, я быстро! – крикнул он ей вслед.

Придумав, как лучше разместить коромысло на спине коня, он осторожно – боясь расплескать воду из ведер, одно из которых по-прежнему было полно до краев, – заковылял к отпертой двери, одной рукой опираясь на костыль, а другой придерживая движущуюся конструкцию.

Там, в просторном сарае с окном, под суетливое кудахтанье кур девушка показала, куда можно привязать коня.

– Мирослава! – донесся снаружи, откуда-то издалека, грозный женский окрик.

Он повторился еще раз два или три.

– Это мой мама, – сказала девушка. – Я надо работать. Пойдем!

Оставив коня наслаждаться свежим сеном, они вместе отправились в главный зал корчмы. Вскоре, сидя за столом на широкой скамье, Ингви уплетал поданный Мирославой ужин, запивая его медовухой, сваренной здесь же, в их семейной корчме.

И, как оказалось, опасения насчет ночлега были совершенно напрасны. Ближе к полночи, как он понял из объяснений Мирославы, столы в этом просторном зале сдвигаются в угол и помещение за небольшую сумму сдается под ночлег любому, кто готов спать на полу. Обычно набирается не меньше пяти путников, а в некоторые дни даже до двадцати. Матрас и одеяло выдаются за отдельную плату.

– Кстати, меня зовут Ингви, – улыбнулся он, протягивая Мирославе деньги за ночевку на матрасе с одеялом.

– А я Мирослава, – ответила она ему белоснежной улыбкой и почему-то покраснев.

Следующий день Ингви безрезультатно провел в поисках купца, который в ближайшее время вез бы свой товар на рынки Константинополя. Пообщавшись через нанятого переводчика с людьми, которые, по мнению Мирославы, могли что-то знать, а затем с людьми, к которым отослали люди, которые, по мнению Мирославы, могли что-то знать, – и даже с теми, к кому и они в итоге отослали, – Ингви уже был близок к отчаянию. Но на второй день удача вновь улыбнулась ему.

– Только про скотину на моем корабле забудь, – ударил купец кулаком по столу, смотря одним глазом куда-то направо от Ингви, а другим налево. – Не хочу больше слышать об этом. Переведи ему.

Переводчик перевел, и Ингви решил больше не искушать судьбу. Страшно уродливый и в добавок косоглазый купец уже завтра утром отправлялся с двумя своими судами в Витичев

под Киевом, где в течение пары дней соберется торговый флот для совместного плавания в Константинополь. И путешествие это займет, по его словам, полтора месяца.

На изумленный вопрос Ингви, почему так долго, купец во всех красках описал ожидающие их на пути препятствия, сложнейшим из которых – но далеко не единственным – будет шестидесятикилометровый отрезок Днепра, где из-за порогов всем придется раздеваться и лезть в воду, чтобы кто-то нащупывал путь, а кто-то осторожно волок корабли, держа их за нос, борта и корму. Местами придется вообще вытаскивать корабли на берег и катить их, подкладывая бруссы... одновременно отбиваясь от воинственных печенегов, обожающих устраивать в таких местах засады... В общем, подытожил купец, пользы от Ингви всё равно не будет никакой, поэтому пусть радуется, что его берут даже за деньги.

Поразмыслив, как лучше поступить с конем, Ингви решил временно оставить его у Мирославы, заплатив её отцу столько, сколько он за это потребует, и дав наперед столько денег на корм, сколько может понадобиться до наступления следующего лета. Возвратиться раньше – как уже понял Ингви – у него может не выйти. Днепр зимой замерзнет, а вернуться в Константинополь, совершив паломничество на Святую землю, ему удастся, быть может, только поздней осенью.

– Если я вдруг вообще не вернусь... – хотел он было что-то сказать Мирославе, когда они оба стояли в сарае возле коня, поглаживая его по спине, но она не дала договорить.

– Я не хочу, чтобы ты завтра ехать.

Она коснулась его руки. Как будто случайно.

– ...чтобы ты... никогда... ехать.

Ингви, поборов нерешительность, сжал ее ладонь в своей, и Мирослава, сделав шаг, прижалась к нему всем телом.

Затем, не произнося больше ни слова, она ловким движением задвинула на двери засов и повела его за руку в дальний угол сарая – туда, откуда доносился запах стогов только что скошенной травы...

* * *

14 сентября 1017 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, в Иерусалиме можно было встретить сотни христианских паломников, прибывших сюда в основном из соседнего Египта и ближайших областей Византии.

Поток богомольцев почти полностью прекратился в 1009 году, когда халиф аль-Хаким в разгар гонений на христиан повелел стереть с лица земли как сам Гроб Господень, так и возведенный вокруг него храмовый комплекс. К счастью, несмотря на все усилия, рабочие халифа, разрушив Храм, так и не смогли разломать до основания гробницу. И когда в 1012 году матери аль-Хакима, исповедующей христианство, удалось наконец убедить сына прекратить преследования ее единоверцев и разрешить византийским священникам отстроить Храм – Гроб Господень был восстановлен довольно быстро и паломничества возобновились.

Проведя в этот праздничный день, 14 сентября 1017 года, более часа в молитве у каменной плиты, на которой тысячу лет назад, согласно преданию, лежало тело Спасителя – и которая теперь, по мнению всех, лишь чудом избежала уничтожения, – Ингви вышел наружу на не по-осеннему свирепствующую здесь жару.

– Филипп, ты где? – прокричал он по-славянски, пройдясь взад-вперед вдоль строительных лесов, опоясывающих храмовый комплекс, и нигде не обнаружив друга.

Те шесть долгих недель, что длилось путешествие из Киева в Константинополь, Ингви провел в обществе людей, говорящих исключительно на славянских диалектах. И хотя многие с гордостью рассказывали ему о своих скандинавских корнях (ибо прадеды их были не кем иным, как шведскими торговцами, поселившимися на Руси и взявшими себе там жен), смешение со

славянским населением зашло уже так далеко, что скандинавский язык был позабыт еще их отцами.

Каково же было облегчение Ингви, когда, отправляясь с группой греческих паломников в плавание на Святую землю, он случайно выяснил, что один из них – монах, зовущийся Филиппом, – владеет как греческим, так и славянским языком! Пытаться с нуля понять еще и греческий у Ингви, наверно, лопнула бы голова.

Филипп был уроженцем Салоник, города со смешанным греко-славянским населением; грек по отцу и македонский славянин по матери, прошедший всё свое детство и отрочество среди людей, говорящих на двух языках. Отец его, служивший в Салониках обычным дьяконом, перебрался затем в Константинополь и, как понял Ингви, стал там со временем какой-то важной шишкой при патриархе. Сам же Филипп совсем недавно принял обет монашества и совершал паломничество на Святую землю перед тем, как навсегда заточить себя в монастыре на Афоне.

– Здесь я, здесь, – сказал, запыхавшись, прибежавший откуда-то Филипп. – Я нашел, кто идет на Иордан. Восемь человек. С нами будет десять.

Ингви потерял висевший на шее амулет. Его дала ему в дорогу Мирослава.

Еще неделю назад он был твердо настроен на то, чтобы в тот самый день, как он исполнит свой обет, примкнуть к паломникам, держащим путь домой в Константинополь. Но Филипп всё-таки сумел уговорить его. В конце концов, дорога из Иерусалима на место крещения Иисуса и обратно займет не более двух дней – а разве способны эти два дня как-то повлиять на то, успеет ли он вернуться к Мирославе до зимы?

Сам Филипп намеревался путешествовать по Святой земле не меньше месяца и горячо убеждал Ингви отправиться вместе с ним сначала к Мертвому морю, а затем посетить Галилею на севере. Где это видано, восклицал он, чтобы человек, проделавший сюда путь с другого конца света, ограничился лишь Иерусалимом и окрестностями?

Но больше двух дней Ингви медлить был не намерен, несмотря ни на какие уговоры друга.

Вечером, когда жара спала, они, примкнув к восьми другим паломникам, отправились на Иордан. Ингви ехал верхом на осле, остальные шли пешком.

– Как ты думаешь, – спросил он Филиппа, смотря на яркие звезды на черном небе, когда они, сделав привал на половине пути и совершив вечернюю молитву, легли спать, – она согласится поехать со мной в Данию после того, как мы поженимся?

Филипп пробормотал что-то. Наверняка уже во сне. Все были так измотаны многочасовой ходьбой по пыльным дорогам, что погрузились в сон, едва накрывшись плащом и подложив, кто что мог под голову.

И только Ингви, ехавший верхом и потому не так уставший, все лежал и смотрел на эти звезды – такие огромные, что, казалось, до них можно дотянуться рукой, – прижимая к сердцу подаренный Мирославой во время их последней встречи амулет.

Глава 4

– Денис, выключи ты уже эту дрянь! – не выдерживаю я, когда из динамиков автомобиля второй раз подряд раздаётся похожий на пороссячий визг голос: «We are animals».

Напарник неохотно выключает музыку. И какое-то время мы несемся по шоссе, каждый молча думая о своем.

Ох уж эта мода на 80-е двадцатого века... Этот жуткий макияж Мирославы. Эти уродливые причёски. Когда месяц назад на всей планете была мода на эпоху Барокко, это еще как-то можно было вытерпеть. Но как можно видеть и слушать такое?! Кажется, Денис как раз из двадцатого столетия...

– Слушай, неужели при твоей жизни и правда такое всем нравилось?

Денис пожимает плечами.

– Если честно, я уже и не помню. Я же тебе говорил: прожив тут после воскрешения столько столетий, сколько я, перестаешь что-либо помнить из предыдущей жизни. Словно и не было ее вовсе. Кстати, ты уже последовал моему совету? Записываешь свои воспоминания, пока они еще не исчезли?

– А как же! Вот, послушай.

Я быстро нахожу на импланте файлы и, выбрав случайный фрагмент, читаю вслух и с выражением:

«Филипп пробормотал что-то. Наверняка уже во сне. Все были так измотаны многочасовой ходьбой по пыльным дорогам, что погрузились в сон, едва накрывшись плащом и подложив, кто что мог под голову.

И только Ингви, ехавший верхом и потому не так уставший, всё лежал и смотрел на эти звезды – такие огромные, что, казалось, до них можно дотянуться рукой, – прижимая к сердцу подаренный Мирославой во время их последней встречи амулет».

– Ну как? – интересуюсь я.

– Я что-то не понял, – говорит Денис, – почему ты о себе в третьем лице пишешь?

– А у нас истории только так рассказывались. Предания там всякие, саги. Такой-то пошел туда-то и сделал то-то и то-то. Никогда не слышал, чтобы рассказывали «я пошел и я сделал». Рука не поворачивается так писать. А какая разница? Я же для себя пишу. Как мне удобней, так и пишу.

– Я всё понял, – ехидничает Денис. – Тебе завидно, что о твоём братце Вагне сложили саги, а о тебе – нет. Вот ты и решил самостоятельно исправить историческую несправедливость.

– Очень смешно... Кстати, а вот и персонаж «саги».

Со мной по жетону связывается Филипп.

– У меня хорошие новости, – улыбается он с экрана.

– Я знал, что ты восстановишь стертые данные! – радуюсь я. – Ты настоящий компьютерный гений.

– Нет, погоди. Данные не восстановить. Но оказывается, такая же точно штука с утратой данных произошла в системе наблюдения двух других городов – в Риме и Париже. В одном из кварталов каждого города. И за тот же самый период – с часа до двух ночи! Ну, если считать по нашему времени. У них это было с одиннадцати до двенадцати.

– Что же здесь хорошего? Я не пойму.

– А то, что это указывает на какой-то синхронный сбой в системе. Непреднамеренный сбой, понимаешь?

– Непреднамеренный?!

– Ну да. Разве поступали сообщения об убийствах в Риме и Париже? Или каких-то других серьезных преступлениях, совершенных там с одиннадцати до полуночи?

– Э-э-э... нет вроде.

– Ну так вот. Ты ведь не думаешь, что в Риме и Париже данные были стерты специально для того, чтобы мы подумали, будто это непреднамеренный сбой?

– Послушай лучше, что я тебе скажу, Филипп. Десять минут назад я через андроида говорил со свидетелем. Денис вот уже знает...

Я киваю головой в сторону напарника, и Денис машет ему рукой. Филипп с экрана тоже здороваются с ним.

– Это его идея была, – продолжаю я. – Короче, поговорил я с одним мужиком, который ночью натолкнулся на предполагаемого убийцу в подъезде. Лысый, говорит, и с пышными усами. А приметы нам криминалист сообщила. И был тот тип не один, а вместе с рыжеволосой девицей. У нее длиннющие огненные волосы – до попы, говорит. Они стояли там в подъезде и спорили о чем-то, крича друг на друга. Он орал: «Надо вернуться за ней», а она ему: «Нет времени, не успеем до двух». Свидетель это хорошо запомнил.

– И это однозначно наш клиент, – встревает Денис. – «Вернуться за ней» означает: вернуться за маской, которую он обронил в квартире. Тут и думать нечего. Собственно, благодаря маске мы и узнали от криминалиста приметы.

– Да, ты ведь еще не знаешь, – подхватываю я, – у криминалистов произошел компьютерный сбой. Пострадала программа, реконструирующая внешность по геному. Поэтому мы до сих пор и не поймали гада. А свидетель сможет прибыть в участок для изъятия зрительного образа только через два часа. Он сейчас к Олимпиаде готовится, рыцарь хренов... Филипп, будь добр, свяжись с китайцами в департаменте криминалистики, ладно? Узнай, что там у них и как. Ясно же, что их компьютеры и нашу систему мониторинга взломали из одного и того же места.

Филипп – переубежденный, по всей видимости, нашими совместными усилиями, – кивает и уже собирается отключиться.

– Чуть было не забыл, Ингви. С днем рождения тебя! Долгих лет жизни! Надеюсь, мне никогда больше не придется тебя хоронить.

Полицейский автомобиль несет нас по кольцевой дороге к западному выезду из Москвы, и посреди зеленого поля уже виднеется белое здание энергостанции.

Там работал Радислав...

Туда выведавший у него что-то посредством пыток убийца мог добраться за десять минут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.